

СЛИШКОМ МНОГО РОЖДЕСТВА

В раю, где обретаются животные, душа ослика спросила у души вола:

– А ты помнишь ту давнюю-давнюю ночь, тогда мы с тобой были в каком-то хлеву, а там, прямо в яслях...

– Дай подумать... Ну да, – подтвердил вол, – в яслях был только что родившийся младенец. Разве я могу забыть? Прекрасный такой младенец.

– С тех пор, если не ошибаюсь, – сказал осёл, – прошло... сколько лет?

– Ну что ты, с моей-то воловьей памятью!

– А знаешь, кем оказался тот ребёнок?

– Откуда мне знать? Люди те были пришлые. Малыш, помнится, родился замечательный. Непонятно, почему он никогда не выходил у меня из головы. Да, а родители у него были совсем простые. Скажи же, кто он?

Ослик что-то прошептал волу на ухо.

– Не может быть! – воскликнул тот потрясённо. – Правда? Ты, верно, шутишь?

– Чистая правда. Клянусь... Между прочим, я сразу же догадался.

– А я, признаться, нет, – сказал вол. – Наверное, ты умнее меня. Мне и в голову такого не могло прийти. Хотя, конечно, сразу было видно, что ребёнок необыкновенный.

– Ну вот, с тех пор люди каждый год устраивают большой праздник, чтобы отметить его день рождения. И нет для них праздника краше. Ты бы только посмотрел! Это праздник покоя, нежности, душевного отдохновения, мира, семейных радостей, любви. Даже разбойники становятся кроткими, как ягнята. Это называется Рождеством. Слушай, друг, у меня есть идея. Раз уж зашла об этом речь, хочешь, я тебе их покажу?

– Кого?

– Людей, празднующих Рождество.

– Где?

– Где-где... На земле.

– Ты уже там бывал?

– Каждый год туда навещаюсь. Присоединяйся, если не хочешь упустить самое интересное. Сегодня как раз канун праздника.

И они отправились в путь. Наши лёгкие-лёгкие, бестелесные животные стали планировать с неба на землю.

Увидев светлое пятно, они нацелились на него; пятно превратилось в мириады огоньков – это был огромный город.

И вот ослик и вол, невидимые, побрели по его центральным улицам. Поскольку они были просто призраками, автомобили, автобусы и трамваи проходили сквозь них, не причиняя им никакого вреда, и они, в свою очередь, преспокойно проникали сквозь стены, словно сотканые из воздуха. В общем, они могли видеть всё, что им заблагорассудится.

Зрелище было впечатляющим: тысячи лампочек в витринах, фестоны, гирлянды, ёлки, бесконечные заторы автомобилей, с трудом пытавшихся протиснуться в узкие петляющие улицы, а также кишмя кишущий люд, который сновал взад-вперёд, туда и сюда, толпился в магазинах, – все они нагружались пакетами и пакетиками с таким лихорадочным нетерпением, словно их кто-то подгонял.

Ослика эта картина, похоже, забавляла. А вот вол оглядывался по сторонам со страхом:

– Послушай, дружище ослик, ты говорил, что покажешь мне Рождество. Но, по-моему, ты ошибся. Уверю тебя, здесь идёт какая-то война.

– Но разве ты не видишь, как все довольны?

– Довольны? Мне кажется, они с ума посходили. Погляди только, какие у них безумные лица! Как лихорадочно горят глаза!

– Дорогой мой вол, да ты просто провинциал и никогда из рая носа не высовывал. Ты не знаешь современных людей, вот и всё. Чтобы развлечься, получить удовольствие, почувствовать себя счастливыми, людям нужно хорошенько попортить себе нервы.

Мимо них проезжали на мотоциклах рассыльные с шаткими грудями пакетов, кто-то что-то грузил в фургончики и выгружал из них, под натиском нетерпеливой публики таяли гигантские пирамиды сладостей и груды цветов, везде загорались и гасли лампочки, всюду гремели похожие на рёв песни. Вол, воспользовавшись тем, что он призрак, вспорхнул и с любопытством заглянул в одно из окон седьмого этажа.

Ослик деликатно последовал его примеру.

Они увидели богато обставленную комнату, а в комнате сидящую за столом озабоченную синьору. Слева от неё на столе высилась чуть ли не полуметровая кипа разноцветных карточек и открыток. Синьора с явным намерением не терять ни секунды хватала одну из открыток, мгновение смотрела на неё, потом заглядывала в какие-то толстые книги и сразу же писала что-то на чистой стороне, засовывала открытку в конверт, на конверте тоже что-то писала, заклеивала его, затем брала другую цветную открытку и проделывала те же манипуляции. Её руки двигались с такой быстротой, что угледеть за ними было невозможно. Но кипа цветных открыток оставалась всё ещё очень внушительной. Сколько времени понадобится, чтобы разделаться с ней? Было заметно, что несчастная женщина бьётся из последних сил. А ведь она ещё только принялась за дело.

– Наверное, ей хорошо платят, – сказал вол, – за такую-то работу.

– Какой же ты наивный, приятель! Эта женщина очень богата и принадлежит к высшему обществу.

– Так почему же она так надрывается?

– Она не надрывается, просто отвечает на поздравления.

– Поздравления? А зачем они нужны?

– Незачем. Абсолютно незачем. Но у нынешних людей почему-то такая мания.

Они заглянули в другое окно. И здесь тоже люди в каком-то экстазе, с выступившими на лбу бисеринками пота надписывали и надписывали свои бумажки. И всюду, куда бы ни заглядывали наши животные, они видели, как мужчины и женщины готовили пакеты и свёртки, надписывали конверты, подбегали к телефону, опрорхнув бежали из одной комнаты в другую с бечёвками, лентами, бахромами и бумагой, а в это время к ним заходили молодые, чуть ли не падающие от усталости посыльные и приносили другие свёртки, другие коробки, другие цветы и новые пачки писем, стопки записок и карточек. И всё это – по крайней мере, если глядеть со стороны – делалось стремительно, лихорадочно, надсадно, с невероятным трудом.

Везде была одна и та же картина: уходы и приходы, покупка и упаковка, отправка и получение, завёртывание и развёртывание, оклики и ответы. И все то и дело смотрели на часы, все бежали, все задыхались, боясь не успеть, а кто-то, хватая ртом воздух, валился с ног под накатывавшей лавиной пакетов, открыток, календарей, подарков, телеграмм, писем, карточек и так далее.

– Ты говорил, – заметил вол, – что это праздник покоя, мира, отдохновения души.

– Да, – ответил ослик, – когда-то так и было. Но что поделаешь! С некоторых пор, как только приближается Рождество, людей словно какой-то тарантул жалит и они перестают что-либо соображать. Да ты сам послушай...

Удивлённый вол прислушался. На улицах, в магазинах, в учреждениях, на заводах мужчины и женщины быстро-быстро говорили, обменивались, словно автоматы, однообразными фразами: счастливого Рождества, поздравляю, поздравляю и вас также, поздравляю, поздравляю, с праздником, спасибо, поздравляю, желаю счастья, поздравляю... Весь город наполнился этим гулом.

– Но сами-то они этому верят? – спросил вол. – И говорят всерьёз? Они действительно так любят ближнего своего?

Ослик промолчал.

– А что если нам отойти немножко в сторонку? – предложил вол. – У меня голова, как пустой котёл. Мне даже начинает не хватать того, что ты называешь настоящей рождественской атмосферой.

– Вообще-то, мне тоже, – сказал ослик.

Они проскользнули сквозь вереницы автомобилей и немного удалились от центра, от огней, от грохота и неистовства толпы.

– Скажи мне, ведь ты всё знаешь, – спросил вол, ещё не совсем пришедший в себя. – Ты действительно уверен, что все они не сошли с ума?

– Нет-нет. Просто сейчас Рождество.

– Что-то слишком уж много этого самого Рождества. А помнишь ту ночь в Вифлееме: хлев, пастухов, младенца? Тогда тоже было холодно, и всё-таки там царили покой и умиротворённость. Всё было совсем по-другому!

– Верно. А помнишь долетавшие до нас звуки далёких волюнок?

– А над крышей слышалось лёгкое шуршание. Какие-то птицы летали, что ли.

– Птицы? Ну ты и балда! Это ангелы были.

– А те три богатых господина, принёсших дары, ты их помнишь? Такие вежливые, так тихо говорили. Очень достойные люди. Представляешь, что было бы, попади они вдруг в эту круговерть?

– А звезда? Помнишь ту чудесную звезду прямо над хлевом? Как знать, может, она и сейчас там. У звёзд жизнь обычно долгая.

– По-моему, нет, – сказал вол скептически. – Здесь звёзд и в помине нет.

Они подняли морды, чтобы посмотреть на небо, и, действительно, ничего не увидели. Над городом висела густая серая пелена.

Дино Буццати

Свято-Николаевский собор г. Стаханова